

ПОРТРЕТ

БАРОККО НА СТАРИННОМ КЛАВЕСИНЕ

В 60-е годы все неординарное в нашем искусстве переживало расцвет. Стали исполнять музыку Ренессанса, открылась экспериментальная студия электронной музыки. В Доме композиторов и научных институтах выступали музыканты неакадемических направлений. Неудивительно, что подававший надежды ученик Центральной музыкальной школы Алексей Любимов, вдохновленный концертами Марии Юдиной и Анатолия Ведерникова, увлекся этой музыкой.

Рос. вестн. — 1995. — 28 дек.

- Так я стал частью музыкального андеграунда, - вспоминает Алексей, ныне - всемирно известный исполнитель музыки барокко. - Старался переиграть все, что мне попадалось: от композиций Штокгаузена, Булеза и Гетти до сочинений отечественных авангардистов.

Власти их запрещали, но авангардисты все равно продолжали выступать, выискивая для этого любые лазейки. Когда отношение к неакадемической музыке на периферии стало более лояльным, андеграунд стал тут же гастролировать. Если такие турне не попадали в поле зрения центральных структур, они проходили благополучно, если попадали - всем сестрам доставалось по серьгам. Аналогичным было отношение властей и к старинной музыке. Антисоветчиками считались композиторы, упоминавшие Иисуса Христа в названиях своих произведений. Неудобные имена на афише влекли idiotские толкования, обвинения и наказания. Если же ее составляли так, чтобы избежать крамолы, играть можно было все.

- С академической музыкой вы покончили?

- Моя жизнь одновременно текла по двум руслам. В конце 70-х я исполнял классическую музыку в Москве, авангард на гастрольях в провинции и на студенческих вечерах в Московской консерватории.

В те дни в музыке для меня не существовало ни географических, ни временных границ. Я одновременно интересовался новинками электронной му-

зыки, средневековыми сочинениями, традиционной музыкой Востока, Африки, Индии, Японии, фольклором и примитивом. Однако лет через десять почувствовал, что одинаково достоверно воспринимать всякую музыку от первого лица не могу, и остановился на европейских композиторах XVIII - XX веков. Овладеть столь же полным пониманием восточной истории и культуры невозможно. Пытаясь обучиться их традиционной музыке, постичь глубину заложенной в ней философии, оказываешься имитатором. В ее основе лежат чуждые нам духовные корни.

- Вас не отпугнуло это несоответствие, когда вы уехали в Париж? Видно, оно мешало меньше, чем партийно-музыкальные инстанции...

- Мой отъезд на Запад ничего общего с эмиграцией не имел. Я просто завел себе квартиру в Париже. Концертирую и здесь, и там, даже не знаю, где больше.

Извращенные культурно-политические игры тогдашнего руководства воспринимались мной как особенность внутриполитической ситуации. Такая же, как издержки нынешних рыночных реформ, разевших своим нигилизмом музыкальную честность многих исполнителей.

- В Европе капитализма тоже пока еще никто не отменил...

- Там у меня, как, впрочем, и у всякого музыканта из Москвы, вначале были совсем иные проблемы. Универсальность и всеядность культурной жизни

Запада лишает человека личного, не зависимо от общества отношения к музыке и заставляет ориентироваться на шатания моды, рынка, стиля. Войти в обойму исполнителей, которые постоянно концертируют и получают хороший ангажемент, здесь непросто. Успех артиста далеко не в последнюю очередь зависит от удачливости его импресарио.

Пять лет тесного общения с западным музыкальным миром одарили меня пониманием того, каким гигантским внутренним богатством наделили меня мои учителя, та музыкальная жизнь, которая существовала в СССР.

- На Западе вас называют не только одаренным музыкантом, но и талантливым коллекционером. Что именно вы собираете?

- Играя музыку, написанную до изобретения молоточкового рояля, я неплохо освоил клавесин. Пока развивался наш роман с этим инструментом, я купил копии двух старинных клавесинов и перешел на подлинники. Хранить эту коллекцию в квартире невозможно. Сначала я вообще не знал, где ее разместить. Толком мне не удалось решить эту проблему до сих пор. Отреставрированные инструменты хранятся в Московской консерватории. Некоторые ждут своего часа у меня дома, часть - в Музее Глинки. Заветная мечта - включить их в коллекцию небольшой музей с концертным залом.

Андрей ВЕЙМАРН.